

Личность в экстремальных условиях

Тамара Счастливая, Олег Хухлаев

Содержание страхов у детей вынужденных мигрантов

(на материале исследования детей-беженцев 7–10 лет)

Вынужденная миграция как актуальная проблема

Актуальность исследования обусловлена объективной необходимостью изучения психологических аспектов детства, связанных с вынужденной миграцией.

Миграция — одна из тяжелейших проблем современности, характерная для многих стран и народов, в том числе и для России. Наиболее серьезной по социальным и психологическим последствиям является ситуация вынужденной миграции из-за угрозы собственной жизни отдельного человека, семьи или социальной группы. Сегодня понятие *вынужденные мигранты* синонимично термину *беженцы*. Согласно данным Управления Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН), в мире насчитывается 18 млн. беженцев, среди них более половины — дети.

Вооруженные конфликты на территории России, ближнего (Таджикистан, Нагорный Карабах) и дальнего (Афганистан, Ирак, Сомали, Заир, Ангола и пр.) зарубежья порождают существование большого количества беженцев, в том числе и детей.

Одна из самых тяжелых мировых миграционных ситуаций связана с продолжающимся более 20 лет вооруженным конфликтом в Афганистане; за это время более 6 млн. жителей этой страны стали беженцами. В сложившейся социально-политической ситуации вопросы, касающиеся Афганистана, представляются крайне актуальными. После Ирана и Пакистана Россия занимает третье место по численности афганских беженцев; по данным УВКБ ООН их насчитывается более 200 тыс. человек; в Москве официально зарегистрировано УВКБ ООН около 40 тыс. беженцев из Афганистана, из которых более половины — дети до 18 лет. Большинство этих людей пережили психологические травмы различной тяжести и нуждаются в психологической помощи, в том числе и потому, что у этой категории людей нет адекватного юридического статуса.

Исследователи психологии
вынужденных мигрантов

Проблемы вынужденных мигрантов получили широкое освещение во многих научных исследованиях (Асмолов А.Г., Бочнер С., Гриценко В.В., Лебедева Н.М., Мухина В.С., Соколова Е.Т., Солдатова Г.В., Фарнхем А., Шайгерова Л.А.). Ряд авторов раскрывает специфику переживания вынужденной миграции в детском возрасте (Ахерн Ф., Вершок А.Б., Вострокнутов Н.В., Марчук А.И., Мухина В.С., Шарова О.С., Щекотихина Н.В., Щепина А.В.). Дети-беженцы в этой ситуации подвержены разного рода страхам, они наиболее уязвимы и остро нуждаются в поддержке.

Исследования детских страхов

Исследования детских страхов довольно широко представлены в работах отечественных и зарубежных ученых. Страх рассматривается как феномен невротического развития личности (Клейн М., Салливен Г.С., Файнберг С.Г., Фрейд А., Фрейд З.), как значимый элемент социальных взаимоотношений ребенка с внешним миром (Захаров А.И., Лебединский В.В., Мухина В.С., Прихожан А.М., Салливен Г.С., Селли Д.). В то же время исследование психологических особенностей содержания страха у детей вынужденных мигрантов является мало разработанной темой.

Актуальность исследования состоит в изучении особенностей содержания страхов детей вынужденных мигрантов, знание которых содействует осуществлению коррекционных программ.

Концепция В.С.Мухиной —
основа исследования

Теоретико-методологической основой нашего исследования явилась концепция В.С.Мухиной о социально-

психологической феноменологии существования человека [1]. В исследуемой проблеме, вслед за В.С. Мухиной, мы анализируем особенности содержания страха у детей сквозь призму присвоенного опыта, связанного с традициями, обычаями и верованиями этноса, презентующего феноменологическую сущность в человеке. Мы основываемся на том, что содержание страха у ребенка формируется в процессе идентификации и обособления на основе как социальных условий, так и индивидуального опыта.

Гипотеза о детерминации страха

Гипотеза исследования состоит в следующем. Особенности содержания страха у детей вынужденных мигрантов детерминированы культурно-историческими традициями и пережитой экстремальной социальной ситуацией, связанной с угрозой жизни.

В содержательную сферу страхов детей-вынужденных мигрантов входят как традиционные образы исконной культуры, так и страхи, непосредственно пережитые в экстремальных ситуациях реальной жизни.

Выборка

В исследовании участвовали дети-беженцы из Афганистана — центр временного размещения, пос. Зеленоградский и г. Москва; российские дети вынужденные переселенцы из Средней Азии и Чечни — центр временного размещения «Серебренники» (Тверская обл.) и г. Москва; постоянно проживающие на одной территории российские дети г. Москвы (учащиеся 2–4-х классов общеобразовательных учреждений). Общая выборка составила 160 человек. Возраст детей 7–10 лет, каждая группа состояла из равного количества мальчиков и девочек.

Участниками коррекционной программы выступали 28 детей беженцев из Афганистана (центр временного размещения в пос. Зеленоградский): 14 детей — экспериментальная группа, 14 детей — контрольная группа. Каждая группа состояла из 10 мальчиков и 4 девочек. Программа осуществлялась в три этапа: первое тестирование в обеих группах — сентябрь 1999 г., проведение коррекционной программы — с октября 2000 г, ретестирование в обеих группах — февраль 2001 г.

Исследование проводилось в 1999–2001 гг.

Психологические аспекты феномена страха широко представлены во многих научных исследованиях. Проблема психологии страха имеет свою историю развития и получила освещение в различных психологических подходах.

Природа страха

Один из ключевых вопросов психологии страха заключается в его природе: врожденной или приобретенной. Эта взаимосвязь составляет основной предмет исследования в классических работах С. Холла, Д. Селли, У. Джемса.

Четыре подхода к пониманию страха в зарубежной психологии

Наиболее широко проблема страха рассматривается в западной психологии в рамках четырех психологических подходов.

Первый — обращает внимание на поведенческие основы страха и связан с бихевиористским направлением (Айзенк Г., Бандура А., Спилбергер Ч., Уотсон Дж.). Страх рассматривается как феномен, имеющий условно рефлекторную основу, основанный на переживании травматического опыта. Так, Дж. Уотсон [2], признающий, что страх является одной из базовых врожденных эмоций, считал, что в процессе развития ребенка характер страха изменяется — он начинает возникать на основе условных рефлексов. В область рассмотрения данного подхода попадают аспекты страха, связанные в основном с реакцией испуга, избегания и не затрагиваются проблемы осмысления и ценностной интерпретации страха.

Второй — связан с психоаналитической традицией и последующим ее развитием различными авторами (Адлер А., Салливан Г.С., Фрейд А., Фрейд З., Хорни К., Юнг К.Г.). Главным объектом исследования здесь является феномен, обозначенный З. Фрейдом [3] как «невротический страх» (в ряде переводов он называется «тревогой»), то есть страх, не связанный с реальной объективной опасностью. Причина возникновения невротического страха определялась различными авторами данного направления в зависимости от того, в чем они видели доминанту развития личности. Если для одних исследователей характерно представление о том, что невротический страх рождается в результате вытеснения жизненно важных энергетических импульсов, происходящего вследствие слабости «Я», то для других, основанием является внутренняя специфика тревоги, которая порождает необходимость ее вытеснения. Большинство последователей З.Фрейда отмечали в феноменах страха и тревоги не только индивидуально-психологический, но и социальный аспекты их возникновения.

Третий подход основан на положениях философии экзистенциализма (Камю А., Кьеркегор С., Сартр Ж.-П., Тиллих П., Хайдеггер М., Шестов Л.). Страх рассматривается как важнейшая характеристика человеческого бытия, имеющая непосредственное значение для существования человека. Различные авторы уделяют внимание преимущественно «смыслу» страха, то есть его месту в общей системе метафизического, психологического или биологического существования индивида (Кемпински А., Мэй Р., Риман Ф.), обосновывая положительные аспекты страха, связанные с развитием «Я».

Четвертое направление связано с концепцией гуманистической психологии (Маслоу А., Оклендер В., Перлз Ф., Роджерс К.), где страх рассматривается как негативный феномен, мешающий процессу самоактуализации личности из-за того, что он возникает при фрустрации потребности в безопасности (одной из базовых потребностей по А.Маслоу). Источником тревоги являются различные проявления неконгруэнтности (Роджерс К. [4]), «не-естественности» бытия; так, например, тревогу порождает отсутствие осознания «здесь-и-сейчас» и, как следствие, подвластность психики человека, как катастрофическим ожиданиям, так и деструктивным воспоминаниям.

Понимание страха в отечественной психологии

В отечественной психологии представления о страхе широко разрабатывались в рамках психиатрической проблематики (Карвасарский Б.Д., Свядоц А.М., Ушаков Г.К.) и в концепциях авторов, занимающихся проблемой функционирования человека в критических и экстремальных условиях, в ситуации стресса (Короленко Ц.П., Китаев-Смык Л.В., Лебедев В.И., Мухина В.С.). Исследователи преимущественно уделяли внимание рассмотрению страха, связанного с реальной угрозой для жизнедеятельности человека. В данном контексте страх рассматривался как феномен, обусловленный особенностью социальной среды индивида, и подчеркивалась важность преодоления страха.

В основе отечественных психологических концепций практически всегда лежит конкретизация понятий страха и тревоги (Астапов В.М., Захаров А.И., Прихожан А.М.). При этом тревога понимается как недифференцированный, неопределенный феномен, связанный с предвосхищением угрозы; страх же интерпретирует-

ся как четкое отражение конкретной угрозы, непосредственно связанное с реальностью.

Отдельные авторы при этом рассматривают страх и тревогу как последовательно развивающиеся взаимосвязанные феномены (Андрусенко В.В., Березин Ф.Б.).

Страх как нелинейный феномен

Анализ работ как отечественных, так и зарубежных авторов позволяет отметить, что различные взгляды на природу страха являются скорее дополняющими, чем взаимоисключающими. Это говорит о том, что страх является многоуровневым феноменом, и рассмотрение его в какой-либо линейной плоскости невозможно. Рассмотрение феноменологии данного понятия позволило выявить ряд существенных характеристик, таких как тревога, объект, предмет, содержание и образ страха.

Определение страха и тревоги

Страх — это эмоциональная реакция на ожидание столкновения с ситуацией опасности. Данная реакция осуществляет процесс координации реакции избегания и всей психической деятельности организма, возникающий при предвосхищении взаимодействия с ситуацией опасности. **Тревога** — это тенденция развития процесса страха, характеризующаяся стремлением к неопределенности на векторе «определенность — неопределенность».

Содержание страха — это отражение предмета страха в сознании субъекта. Содержание страха может быть представлено в психике как в вербальном виде, так и как образ. Образ страха — это перцептивное, целостное, преимущественно наглядное отражение предмета страха в сознании субъекта. Вербальное и образное содержание страха представляют его интрапсихические проявления. Внешние аспекты содержания страха отражаются в поведении. Термин *содержание страха* употребляется нами, когда мы говорим о страхе, как об интегративном феномене бытия личности. *Содержание страхов* характеризует конкретную боязнь определенных объектов страха у непосредственно исследуемых детей.

Культурно-исторический анализ
страха

Содержание страха всегда связано как с реальной ситуацией опасности, так и с культурно-историческими традициями. Ряд авторов отмечают, что культура во многом обуславливает содержание группового и индивидуального сознания (Выготский Л.С., Леви-Стросс К., Лебедева Н.М., Малиновский Б., Мид М., Мосс М.).

Культурно-исторически детерминированный, архаический способ осмысления мира приводит к возникновению в традиционных обществах «мистического» страха реально не существующих объектов. При этом часто осознается «нереальность» данных объектов, что является дополнительным «пугающим» фактором. Проведенный нами анализ литературы (Зеленин Д.К., Мелетинский Е.М., Пропп В.Я., Рыбаков Б.А., Тайлор Э., Токарев С.А. и др.) позволяет говорить о единой структурно-типологической основе «мифологических» страхов, присутствующих в традиционных культурах. В качестве таких страхов могут выступать как «воображаемые» животные (или их духи), драконообразные существа, так и «фантастические нелюди», являющиеся «волшебными» фигурами, схожими и с животным и с человеком.

Развитие знаково-символической функции у ребенка и культурно-историческая специфика страха

Культурно-историческая обусловленность содержания детских возрастных страхов тесно связана со знаково-символической функцией сознания. Используя ее, воображение ребенка не только «отыгрывает» различные «воображаемые» страхи, но и осуществляет самостоятельные преобразования «пугающих» образов.

Вхождение в широкое социальное пространство возлагает на ребенка новые требования и ставит его перед решением личностных задач, требующих большей гибкости. Использование знаково-символической функции позволяет ребенку 7–10 лет расширить свои возможности, связанные с эмоциональным отражением внешнего мира.

Выделяется три, последовательно возникающих в онтогенезе, вида знаково-символической деятельности (Выготский Л.С., Мухина В.С., Сапогова Е.Е.): *замещение*, *моделирование* и *экспериментирование*. Знаково-символическая функция непосредственно отражается на детских страхах у младших школьников. Ребенок оперирует образами-заместителями (например, «монстром») и через *экспериментирование* «освобождается» от собственного страха, связанного с реальными предметами. Так знаково-символическая функция сознания выступает как феномен, лежащий в основании терапевтического процесса (Мухина В.С.).

Возрастные типологические особенности содержания страха у детей 7–10 лет

В психологических исследованиях представлен широкий спектр взглядов на возрастные типологические особенности содержания страха у детей в данном возраст-

те, которые можно представить в виде следующих подходов.

Первые два обращают внимание на внутренние или внешние характеристики онтогенеза, приводящие к возникновению данных особенностей. Третий и четвертый подход направлены на анализ содержания страха с точки зрения типичного психологического развития ребенка, причем в одном из них преимущественное значение придается возрастной картине мира, а в другом — развитию знаково-символической функции сознания.

Внутренние психологические характеристики развития ребенка лежат в фокусе внимания психоаналитического подхода (Клейн М., Тайсон Ф., Тайсон Р., Фрейд А., Фрейд З.), где основное место уделяется развитию внутренних психологических инстанций. Отмечается, что в этом возрасте у ребенка формируется «Сверх-Я» и именно с данным феноменом связаны особенности детского страха: на смену страха внешнего мира приходит внутренний страх самого себя или «тревога Сверх-Я» по А. Фрейд [5].

Вторая позиция основана на анализе внешних, социальных предпосылок формирования содержания страха. Здесь исследователи как отечественные, так и зарубежные (Захаров А.И., Лебединский В.В., Прихожан А.М., Салливан Г.С., Селли Д.) обращают внимание на изменение социальной ситуации развития ребенка, на особенности его взаимодействия с внешним миром. Содержание детского страха становится тесно связанным с характером межличностных знаковых социальных взаимоотношений.

Третий подход фиксируется на типичных характеристиках возрастной картины мира. Авторы (Гарбузов В.И., Захаров А.И., Чередникова М.П.) отмечают, что экспериментальным путем выявляется появление и активизация страха смерти у детей 5–8 лет. Причина его возникновения лежит в особенностях развития детской картины мира — у ребенка происходит осознание смерти как таковой, как конечности жизни.

В четвертой группе взглядов обосновывается существование у детей страха, связанного с символическими структурами сознания (Джерсилд А., Захаров А.И., Мухина В.С., Холл С., Холмс Ф., Чередникова М.П., Юнг К.Г.). Авторы считают, что характерный для детей этого воз-

раста страх различных мифологических персонажей является отражением мифологичности детского сознания. Этот подход обращает внимание на то, что данные страхи являются страхами-заместителями, которые связаны с культурно-историческим развитием общества.

Таким образом, исследователями отмечается ряд возрастных особенностей содержания страха. Наиболее общей возрастной характеристикой страха у детей 7–10 лет является тенденция к его символизации. Образы страха в этом возрасте зачастую являются символами, имеющими истоком культурно-исторические традиции, преломляющимися в детской психике посредством знаково-символической функции.

Другие возрастные страхи, — смерти и социальных ситуаций, — зачастую представлены в сознании ребенка через замещающие их мифологические образы страха (Гарбузов В.И., Захаров А.И., Чередникова М.П., Юнг К.Г.).

Так как работа была посвящена изучению детей вынужденных мигрантов, то мы обратили внимание на теоретические исследования по проблеме психологических особенностей вынужденных мигрантов.

Проблема вынужденной миграции в отечественной и зарубежной литературе

В отечественной и зарубежной литературе проблема вынужденной миграции анализируется в различных контекстах.

По мнению ряда авторов, ситуация вынужденной миграции связана с переживанием психотравмирующих событий, вызывающих чувство горя, утраты. Человек попадает в ситуацию хронического стресса и последующего посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) (Александровский Ю.А., Василюк Ф.Е., Дроздова И.И., Магомед-Эминов М.Ш., Солдатова Г.В., Тумалаева З.Н., Черкасов П.А., Черепанова Е.М.).

Особенности бытия личности в ситуации вынужденной миграции зависят от характера межкультурного взаимодействия, участником которого является человек. (Берри Д., Шермерхорн Р.)

При попадании в ситуацию вынужденной миграции человек испытывает ощущение «культурного шока», который может быть вызван целым рядом различных параметров, таких как локус-контроля личности, соответствие реальности изначальным ожиданиям, связанным со страной бегства и т.д. (Бочнер С., Гриценко В.В., Лебедева Н.М., Фарнхем А.)

Ситуация вынужденной миграции может рассматриваться как *кризис идентичности*, обладающий определенной спецификой, заключающейся в том, что человек, попавший в данную социальную ситуацию вне зависимости от его личностных особенностей вынужден пройти через трансформацию идентичности (Асмолов А.Г., Новохатько Е.Н., Соколова Е.Т., Солдатова Г.В., Шайгерова Л.А.). Исследования позволяют говорить о том, что проявления кризиса идентичности можно обнаружить на всех уровнях существования личности: собственно личностном, межличностном и межгрупповом [6]. Разрабатывается концепция вынужденной миграции как «феномена насилия против Я», угрожающего сохранению самоидентичности [7].

Более половины беженцев в мире это дети до 18 лет. Они являются одной из самых незащищенных возрастных групп в социальной ситуации вынужденной миграции. Социальная ситуация развития ребенка претерпевает существенные изменения в результате вынужденной миграции. Эти изменения могут рассматриваться во внешнем и во внутреннем плане.

Внешний план социальной ситуации миграции в детском возрасте связан с резким изменением всех объективных реальностей его существования. Она характеризуется постоянным наличием феноменов, вызывающих тревогу и, с другой стороны, повышенными социальными требованиями, предъявляемыми к ребенку (Валитов В.В., Солдатова Г.В., Черкасская Л.И., Шайгерова Л.А., Шарова О.С.).

Внутренний план социальной ситуации миграции отражается в особенностях детских переживаний (Бассин Ф.В., Василюк Ф.Е.). Одной из наиболее характерных особенностей деятельности переживания будет тенденция к символической интерпретации внешнего плана социальной ситуации миграции (Мухина В.С., Захаров А.И., Хазей С.А.).

Внутренний план социальной ситуации миграции определяет внутреннюю позицию ребенка, а точнее ее «размывание». У ребенка-беженца наблюдается как снижение **самости**, так и гипертрофированное чувство «Я». Отсутствие гармонического взаимодействия между **идентификацией** и **обособлением** приводит к отсутствию у детей-беженцев устойчивой динамической само-

Психологические особенности
детей-беженцев

сти. В результате для каждого ребенка-беженца становится актуальным поиск идентификационных ресурсов в традиционной культуре своего народа, приносящих ощущение культурной самости и дающих определенную личностную устойчивость [8].

Социальная ситуация вынужденной миграции оказывает влияние на психологическое развитие ребенка. Исследователями отмечаются следующие психологические особенности детей-беженцев. Во-первых, высокий уровень посттравматического стресса (ПТСР), поскольку бегство всегда вызвано военными действиями, жестокостью, преследованиями и пр., каждый ребенок-беженец проходит через травматический опыт, вызывающий характерные симптомы (Вострокнутов Н.В., Макачук А.И., Тарабрина Н.В., Черепанова Е.М., Щепина А.В. и др.). Во-вторых, для ребенка характерен «культурный шок» [9]. Проблема культурной «раздвоенности», конфликта ценностей, а также другие трудности, связанные с необходимостью социокультурной адаптации к изменившимся социальным условиям затрагивают каждого ребенка-беженца (Вершок А.Б., Фарнхем А., Бочнер С.). В-третьих, исследователи отмечают, что у такого ребенка присутствует ощущение «утраты», «несчастья». Главной утратой и, соответственно, главной мечтой для них является «дом» как символ экзистенциальной защищенности (Ахерн Ф., Грининг П.). В-четвертых, большинство детей-беженцев «педагогически запущены», они обделены заботой взрослых. Ситуация миграции «переключает» внимание родителей на проблемы, связанные с материальным и физическим выживанием семьи, повышает внутрисемейную напряженность (Вершок А.Б., Володина И.С., Шарова О.С.). Все это приводит к серьезным отставаниям в познавательном и эмоционально-волевом развитии, психологическому инфантилизму и прочим нарушениям развития, не связанным с органическими поражениями ЦНС.

Традиционные методы для
изучения психологии страха

В экспериментальном исследовании мы применяли методы, традиционно используемые для изучения психологии страха.

Так, *наблюдение* широко употребляется при изучении различных аспектов страха. При исследовании детских страхов возможно использование *включенного наблюдения* с целью изучения спонтанных проявлений дет-

ского страха, через погружение в детскую среду (Голушко Т.В., Мухина В.С.).

Диагностическая беседа обеспечивает рассмотрение личности в контексте неспецифических реакций, связанных с предметом исследования (Тимошенко Н.А., Постванев В.М., Хазей С.А.), что необходимо для комплексного изучения особенностей содержания страха (Голушко Т.В., Захаров А.И., Мухина В.С.)

Психодиагностические методы: тесты-опросники. Большинство тестовых методов предназначены для изучения наиболее легко измеримого параметра — тревоги (Немчин Т.Н.) и на исследование отражения страха в личностных чертах индивида — тревожности (Астапов В.М., Прихожан А.М., Шнейдер Л.Б.).

Психодиагностические методы: проективные методы. Для изучения страха могут применяться такие методы как тематический апперцептивный тест (Меррей Г.), детский апперцептивный тест (Беллак Л.), метод цветочных выборов (Собчик Л.), «десперт сказки» (Бурлачук Л.), различные рисуночные проективные методы (Бук Дж., Маховер К.). Существуют проективные методы, непосредственно направленные на изучение страха и тревоги (Амен А., Прихожан А.М.).

Метод анализа продуктов деятельности позволяет изучать феноменологию развивающейся личности детей и подростков и применяется в исследованиях под руководством В.С. Мухиной [10], а также в работах А.И. Захарова и М.П. Чередниковой.

При исследовании особенностей содержания страха в рамках психологии развивающейся личности, мы основываемся на изучении ребенка в диалектике его социально-психологической феноменологии (Мухина В.С.).

Исследование проходило в два этапа:

- 1 — сравнительное экспериментально-диагностическое исследование содержания страха у детей-беженцев;
- 2 — проведение коррекционной программы, направленной на снижение страхов и тревоги, основанной на образах традиционной культуры (Мухина В.С.) и использующей механизм идентификации-обособления.

Нами применялась следующая стратегия достижения *кросскультурной валидности*. Возможность смешения исследуемых конструктов корректировалась использованием метода *децентрации*. Так, большая часть ис-

Структура экспериментального исследования

Методы проведения кросскультурного эксперимента

следования проводилась в «открытой» форме, когда испытуемый давал собственные варианты ответов, отражающие культурно-специфические представления; слова, которые были сложны для перевода, заменялись эквивалентными выражениями языка Дари.

Погрешности метода исключались нами через проведение исследования с дублированием на родном языке испытуемого (Дари), использование при исследовании деятельности не являющейся культурно-специфичной, а также через учет фактора «социальной желательности» ответов как одной из исследуемых переменных. Неадекватность понимания тестовых заданий избегалась нами с помощью использования максимально простых и понятных слов, а также через двуязычный контроль над пониманием задания.

Две группы экспериментально-диагностических методов, используемых в работе

В работе были использованы экспериментально — диагностические методы, среди которых можно выделить две группы.

Первая — методы, направленные на изучение содержания страха выражаемого непосредственно через слово (вербальные методики — беседа «Возрастные детские страхи», «Ведущие детские страхи») и в виде образа (тематический рисунок).

Вторую группу представляет метод, задачей которого является исследование содержания страха, не всегда имеющего возможности непосредственного выражения в вербальном или образном виде (детский апперцептивный тест). Он направлен на опосредованное стимульным материалом выявление страха, связанного с прошлым опытом.

Содержание страха, отражающееся в поведении детей, мы изучали с помощью включенного наблюдения.

Методы, непосредственно используемые в экспериментальном исследовании

Включенное наблюдение имеет широкий круг применения, в частности является дистантным методом экспресс-диагностики в посткатастрофической ситуации (Мушина В.С.). Он служит для изучения спонтанных проявлений детского страха через погружение в детскую среду. Это способствует интегративному рассмотрению данных, получаемых с помощью различных методов. Кроме того, этот метод применялся как вспомогательный для установления влияния хода эксперимента на получаемые результаты.

Беседа «Возрастные детские страхи». Метод предложен А.И. Захаровым [11] для выявления того, каким стра-

хам подвержены дети. Он позволяет исследовать распространённость возрастных детских страхов, выраженных вербально, при непосредственном контакте с ребёнком.

Метод «Ведущие детские страхи» является модификацией известной методики «Незаконченные предложения». Детям необходимо дать ответ, который будет характеризовать наиболее актуально значимое содержание страха для ребёнка; метод даёт возможность изучать детские представления, связанные с настоящим и прошлым опытом ребёнка.

Изучение содержания страха в продуктах изобразительной деятельности (тематический рисунок). Анализ детских рисунков в целом не только расширяет диагностические возможности, но и способствует более глубокому пониманию всего душевного состояния ребёнка, его видения мира и социальной ориентации. Выбор данного метода обусловлен тем, что рисование «страшного рисунка» позволяет изучить, каким образом ребёнок осваивает социальное пространство, связанное со страхом, какие образы характеризуют для детей перцепцию содержания страха.

Детский апперцептивный тест (ДАТ). ДАТ является проективной методикой исследования личности, базирующейся на исследовании динамики индивидуальных различий в восприятии стандартных стимулов. С помощью данной методики мы можем опосредованно изучать содержание страха, связанное прошлым опытом ребёнка. Тест является детским вариантом теста тематической апперцепции (ТАТ) Г. Меррея. Поскольку стимульный материал представляет собой изображения животных, тест можно использовать с детьми любой этнической принадлежности.

Детский вариант шкалы явной тревожности (ШЯТ). Шкала явной тревожности для детей разработана американскими психологами, адаптирована и стандартизирована А.М. Прихожан [12]. Она предназначена для выявления тревожности как относительно устойчивого образования у детей 8–12 лет. При проведении количественной оценки изменений, возникших в результате коррекционной программы, нам было необходимо использовать метод, дающий возможность объективной оценки актуального уровня тревожности у ребёнка. Это послужило причиной выбора данного метода.

Характеристика участников исследования и уравнивание выборок

Участниками сравнительного исследования являлись 60 детей-беженцев, проживающих в центре временного размещения в пос. Зеленоградский и в Москве, и 60 детей, имеющих постоянное место жительства, учащихся 2–4-х классов общеобразовательных учреждений Москвы (УВК №1687, УВК №1682, НОУ «Премьер»). Возраст детей 7–10 лет, каждая группа состояла из 30 мальчиков и 30 девочек.

С целью контроля над взаимодействием переменных «культура» и «вынужденная миграция» нами проводился дополнительный эксперимент, участниками которого являлись русскоязычные дети вынужденных переселенцев из Средней Азии и Чечни в количестве 40 человек, проживающие в Центре временного размещения «Серебряники» (Тверская обл.) и в Москве. Возраст детей – 7–10 лет, родину они покинули от 1 до 5 лет назад. В исследования эта категория детей обозначена как дети-вынужденные переселенцы.

Уравнивание выборок, являющееся традиционным способом контроля за воздействием независимой переменной, осуществлялось с помощью предварительного и преднамеренного отбора выборок.

Дети-беженцы являлись детьми вынужденных мигрантов афганской национальности (таджики, пуштуны, хазарейцы), покинувшими Афганистан в результате вооруженных конфликтов и опасений преследования по политическому и религиозному признаку. Они бежали из Афганистана от 5 до 1,5 лет назад (в среднем 3 года назад). На родине они проживали в городах, являющихся культурными и индустриальными центрами страны (Кабул, Герат, Мазари-Шариф) и их социальное положение в стране исхода было сходно с русской выборкой. Практически все из них свободно говорят на русском языке, однако нами всегда проводилось языковое дублирование с помощью переводчика на язык Дари.

Были получены следующие *результаты исследования*.

1. *Распространенность* страхов изучалась нами с помощью беседы «Возрастные детские страхи». Этот параметр отражает, какой части выборки присущ тот или иной страх.

По сравнению с русскими (как вынужденными переселенцами, так и имеющими постоянное место жительства), у детей беженцев из Афганистана значительно больше *распространен* ряд вербально выраженных страхов (см. табл. 1).

Результаты исследования:
наиболее распространенные страхи

Таблица 1

Наиболее распространенные вербально выраженные страхи (%)

Виды страхов	Афганцы-беженцы			Русские – В.П.**			Русские – П.М.Ж.***		
	Мал.	Дев.	Ср.	Мал.	Дев.	Ср.	Мал.	Дев.	Ср.
Смерть	76,7	86,7	81,7	95,0	85,0	90,0	80,0	86,7	83,3
Наказание	76,7	73,3	*75,0	40,0	25,0	32,5	33,3	13,3	23,3
Мифологические персонажи	50,0	80,0	*65,0	45,0	40,0	42,5	23,3	33,3	28,3
Животные	66,7	93,3	*80,0	50,0	55,0	52,5	53,3	53,3	53,3
Война	20,0	73,3	*51,7	85,0	95,0	90,0	70,0	96,7	83,3
Боль	73,3	66,7	*70,0	35,0	30,0	32,5	30,0	36,6	33,3

* статистически достоверные отличия афганцев-беженцев от русских детей (г. Москвы и вынужденных переселенцев) ($p = 0,05$).

** В.П. – вынужденные переселенцы.

*** П.М.Ж. – имеющие постоянное место жительства (г. Москва)

Это группа страхов, носящих «мифологический», «воображаемый» характер, представленная мифологическими персонажами и животными, страх которых имеет истоком культурные традиции.

У всех исследуемых детей, в состав наиболее распространенных страхов входит страх смерти, который является страхом, специфичным для данного возраста (Захаров А.И.), в связи с изменениями в детской картине мира, заключающимися в осознании смерти, как конечности жизни.

У детей-беженцев из Афганистана значимо больше встречается страх наказания; распространенность этого страха у всех русских детей в несколько раз ниже, что объясняется традиционным стилем общения с взрослыми (редкостью жестоких физических наказаний).

Значимо больше распространен среди афганских детей страх боли, что, скорее всего, связано с большей степенью выраженности телесного сознания у представитель восточной культуры [13].

Страх войны, напротив, значимо меньше распространен среди детей мигрантов из Афганистана; при этом в русской выборке данный страх является одним из наиболее часто встречающихся.

Показатели русских детей, имеющих постоянное место жительства (г. Москва), и вынужденных переселенцев характеризуются однородностью — в них отсутствуют значимые отличия. Это объясняется тем, что однородная ментальность больше влияет на вербальное выражение страхов, чем пережитая социальная ситуация.

Наиболее значимые детские страхи 2. Использование метода «*Ведущие детские страхи*» позволяет выявить те страхи, которые дети выбирают как наиболее значимые.

Ведущим вербально выраженным страхом у детей-беженцев из Афганистана является страх животных (табл. 2). В русской выборке, среди *ведущих* страхов, страх животных почти полностью отсутствует. Ряд детей-беженцев отмечают страх Бога, что связано с религиозными традициями афганской исламской культуры.

Таблица 2
Ведущие детские страхи (%)

Виды страхов	Афганцы-беженцы			Русские – В.П.**			Русские – П.М.Ж.***		
	Мал.	Дев.	Ср.	Мал.	Дев.	Ср.	Мал.	Дев.	Ср.
Смерть	6,7	10,0	*8,3	30,0	30,0	30,0	36,6	30,0	33,3
Мифологические персонажи	13,4	10,0	11,6	15,0	5,0	10,0	6,7	3,3	5,0
Животные	33,3	49,9	*41,5	5,0	5,0	2,5	3,3	6,7	5,0
Война	3,3	3,3	*3,3	20,0	35,0	27,5	13,4	23,3	18,3
Бог	13,4	6,7	*10,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

* статистически достоверные отличия афганцев-беженцев от русских детей (г. Москвы и вынужденных переселенцев) ($p = 0,05$).

** В.П. – вынужденные переселенцы.

*** П.М.Ж. – имеющие постоянное место жительства (г. Москва).

Страхи войны и смерти, отмеченные в качестве ведущих большинством русских детей как москвичей, так и вы-

нужденных переселенцев, не являются значимыми для детей-беженцев из Афганистана ($p \leq 0,05$). Традиции «воинственности», презрение к смерти, культивированные в национальной литературе готовности «в любую минуту погибнуть за родину» — это, по нашему мнению, является причиной низкой значимости страхов войны и смерти для большинства детей-афганцев, в первую очередь мальчиков.

Следует отметить, что страх смерти отмечается среди наиболее распространенных у детей-афганцев (табл. 1), однако только для 8% детей-беженцев из Афганистана он является ведущим (табл. 2). Страх смерти, специфичный для данного возраста, присущ всем детям, но оценка его значимости осуществляется ребенком с опорой на культурные традиции. Как отмечалось выше, традиции «воинственности» определяют низкую значимость этого страха у афганцев.

Ведущие страхи, связанные с прошлым, у детей-беженцев и русских детей во-многом соответствуют друг другу и связаны с известной «триадой» страхов детей-дошкольников — «темнота—одиночество—замкнутое пространство». Однако, кроме них, у детей мигрантов присутствует память о реально пережитых событиях, связанных с войной, убийствами и насилием; при этом данный страх вспоминается исключительно как прошлый («раньше мне было страшно, когда...»).

Ведущие страхи русских детей — вынужденных переселенцев существенно не отличаются от страхов детей, имеющих постоянное место жительства (г. Москва). Однако дети — вынужденные переселенцы, пережившие психическую травму, обнаруживают несколько больший страх войны.

Образы страха у детей-беженцев

3. При анализе продуктов изобразительной деятельности мы установили, что в *образном* содержании страха детей-беженцев из Афганистана практически не отражается реально пережитая экстремальная ситуация миграции (см. табл. 3).

Чаще всего у исследуемых детей встречаются образы мифологических персонажей; в качестве «страшных» образов в детских рисунках выделяются две группы: «драконообразные» и «фантастические нелюди». Для детей-афганцев такие образы, возможно, являются замещающими по отношению к страхам, вызванным ситуацией вынужденной миграции.

Таблица 3
Наиболее распространенные образы страха (%)

	Афганцы-беженцы			Русские – В.П.**			Русские – П.М.Ж.***		
	Мал.	Дев.	Ср.	Мал.	Дев.	Ср.	Мал.	Дев.	Ср.
Мифологические персонажи	56,6	43,3	*50,0	65,0	65,0	65,0	79,9	73,3	76,4
Животные	26,6	33,3	*29,9	10,0	15,0	12,5	6,7	13,4	10,0
Война	3,3	6,7	5,0	15,0	5,0	10,0	3,3	3,3	3,3

* статистически достоверные отличия афганцев-беженцев от русских детей (г. Москвы и вынужденных переселенцев) ($p = 0,05$).

** В.П. – вынужденные переселенцы.

*** П.М.Ж. – имеющие постоянное место жительства (г. Москва).

У детей-беженцев из Афганистана значимо чаще, чем у русских, встречаются пугающие образы животных. В данном случае, животные выступают преимущественно как символические образы, возникновение которых связано не с реальным опытом ребенка, а с этнокультурной традицией, рассматривающей животных, как особую разновидность мифологических персонажей [14, 15].

Более высокая, чем у русских детей, распространенность пугающих образов животных у детей-афганцев, по нашему мнению, связана со спецификой афганской традиционной культуры, заключающейся в приписывании животным мифологических, «хтонических» свойств.

Содержание страха, связанное с прошлым опытом

4. Анализируя результаты проективной методики (ДАТ), направленной на опосредованное изучение содержания страха, связанного преимущественно с прошлым опытом, мы установили следующее.

У детей-беженцев из Афганистана и у русских-вынужденных переселенцев опосредованные проявления содержания страха, в основном, связаны с угрозой жизни (см. табл. 4).

Данный феномен вызван переживаниями психических травм вследствие вынужденной миграции. Ребенок, переживший вынужденную миграцию, боится воз-

Таблица 4

Страхи в рассказах по ДАТ (в среднем на одного ребенка)

Виды страхов	Афганцы-- беженцы	Русские – В.П.**	Русские – П.М.Ж.***
Мифологические персонажи	0,3	0,35	0,2
«Быть уничтоженным»	2,0*	1,9*	0,5
Физическое наказание	0,0*	0,05*	0,45
«Быть покинутым»	0,4	0,5	0,48
Болезни или травмы	0,7	0,38	0,3

* статистически достоверные отличия афганцев-беженцев и русских – вынужденных переселенцев от детей, имеющих постоянное место жительства (г. Москва) ($p = 0,05$).

** В.П. – вынужденные переселенцы.

*** П.М.Ж. – имеющие постоянное место жительства (г. Москва).

возможности повторения этих событий, что проявляется через выявляемый проективной методикой «страх быть уничтоженным».

Остальные страхи существенно меньше представлены в продуктах детской апперцепции, исключение составляет лишь страх «болезни или травмы».

У русских детей, постоянно проживающих в Москве, «страх быть уничтоженным» незначителен.

Страх «физического наказания» у детей-беженцев из Афганистана, по результатам проективной методики не наблюдается, что противоречит полученным данным о широкой его распространенности, среди непосредственно вербально выраженных страхов (табл. 1). По нашему мнению, это является следствием того, что для детей-афганцев наказание не связано с экстремальной ситуацией, определяющей содержание страха. Дети-афганцы боятся наказания, но не «переносят» этот страх на все аспекты взаимодействия с внешним миром. То же самое наблюдается и у русских детей-вынужденных переселенцев. В основе этого феномена лежит память детей об их непосредственной встрече с ситуацией, экстремальность которой превосходит любое возможное наказание, – угрозой собственной жизни.

- Поведенческие проявления страха
5. Использование включенного наблюдения позволило установить наличие различия в *поведенческом проявлении содержания страха* у исследуемых детей. В поведении детей-беженцев из Афганистана в большей степени был заметен «страх быть уничтоженным», лежащий в основе посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Он отражался как в высокой тревоге, спонтанно проявляемой в повседневной жизни, так и в самостоятельных играх детей, постоянно обыгрывающих взаимное уничтожение. Их сюжеты и персонажи не связаны с ситуацией миграции, а взяты детьми либо из фильмов-боевиков, либо выдуманы самостоятельно. Крайне редко у детей-беженцев из Афганистана встречались игры, отражающие события повторяющие травматическую ситуацию.
- Кроме того, в поведении афганцев-беженцев наблюдался страх наказания, имеющий культурную обусловленность. Так, дети постоянно играли во взаимные наказания, с удовольствием исполняя роли наказуемого ребенка.
- У российских детей вынужденных переселенцев страх также отражался через проявляемую в поведении тревогу. «Страх быть уничтоженным», широко представленный в играх этих детей, проявляется несколько по-другому, чем в играх афганцев-беженцев. Дети-вынужденные переселенцы зачастую играют в реальные боевые действия, схожие с теми, которые они наблюдали, проигрывают бомбежки и пр., демонстрируя типичные симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). По нашему мнению, это объясняется, как «свежестью» травмы, так и культурными отличиями российских детей – большей рефлексивностью и пр.
- У российских детей, постоянно проживающих в Москве, содержание страха, проявляемое в поведенческих реакциях, находится в основном в прямой зависимости от личностных особенностей ребенка и носит ситуативный характер.
6. В содержании страха у детей-беженцев из Афганистана значимо проявляются *межполовые различия*. У девочек больше, чем у мальчиков, представлен страх мифологических, воображаемых персонажей (животных и драконообразных), для них, более значим страх войны; мальчики, больше чем девочки, подвержены страху наказания.

Межполовые различия
в содержании страха

Необходимость построения
коррекционной программы

Игровая терапия как форма
психокоррекции

Теоретические основания коррек-
ционной программы

Описание коррекционной
программы

Обобщая полученные результаты, мы отмечаем, что в особенностях содержания страха у детей вынужденных мигрантов представлены два аспекта. С одной стороны, они детерминированы культурно-историческими различиями. С другой стороны, они обусловлены социальной ситуацией вынужденной миграции, связанной с угрозой жизни.

Полученные данные привели нас к необходимости построения *коррекционной программы*, которая была направлена на работу с мифологическими страхами, приводящую к активизации и нормализации процессов воображения, связанных со страхом.

При ее разработке мы основывались на мнении многих исследователей (Захаров А.И., Клейн М., Мухина В.С., Фрейд А.) о том, что одним из наилучших методов психотерапевтической помощи детям с повышенным уровнем страхов будет игровая терапия. Формой организации игровой терапии, положенной нами в основу нашей программы является психологический тренинг (Дружинин А.Е., Дубровина И.В., Ковалев Г.А.). Групповая психокоррекция, основанная на игровых тренинговых методах, успешно применяется для работы с детьми младшего школьного возраста, имеющими эмоциональные трудности [16].

Мы опирались на идею И.Б. Гриншпуна и Т.В. Неболювой [17] о том, что страх приводит к тому, что креативность ребенка обращается в область «пассивного воображения», которое выполняет функцию психологической защиты.

Известно, что повторное переживание страха при отображении его на рисунке приводит к ослаблению его травмирующего звучания. Развивая это положение, мы основывались на концепции преодоления детских страхов и тревожности с помощью образов, разработанную А. Лазарусом [18]. Она заключается в использовании в процессе психотерапии образов, способных вызывать положительные эмоции и чувство свободы от тревоги, названных автором эмотивными.

Программа состоит из восьми занятий, проводимых еженедельно в течение 2 месяцев. На каждое занятие отводится от 1 до 2 часов. Состав группы — 14 детей в возрасте 6—9 лет. Основой программы являлись игровые упражнения, в процессе которых осуществлялось взаимодействие с мифологическими образами

страха. Эти упражнения основаны на использовании **идентификации** с мифологическим содержанием традиционной культуры (Мухина В.С. [19]) и связаны со страхом. С целью содействия адаптации детей в программу вводились элементы идентификации с российской традиционной культурой, имеющие кросс-культурное значение. Целью данной работы являлось установление баланса **идентификации-обособления** в процессе взаимодействия с мифологическими образами страха.

В качестве закрепления результатов и снятия напряжения нами использовались арт-терапевтические методы работы с изобразительным материалом. В основном, они проводились в заключение занятия, как дополнительные и завершающие.

Участниками исследования были 28 детей беженцев из Афганистана младшего школьного возраста, проживающие в центре временного размещения УВКБ ООН «Зеленоградский». Возраст детей — от 7 до 10 лет. Из них были выделены две группы — экспериментальная и контрольная.

С каждой группой была проведена психодиагностика актуального уровня тревоги и страха с использованием методов «Включенное наблюдение», «Детский апперцептивный тест» (ДАТ) и «Детский вариант шкалы явной тревожности» (ШЯТ). Контрольная группа была эквивалентна экспериментальной как по возрастным, так и по психологическим показателям, выявленным первичной диагностикой.

С экспериментальной группой, в рамках организации работы по психологической помощи детям мигрантов, в течении 2 месяцев (октябрь—ноябрь 2000 г.) проводилась коррекционная работа, направленная на снижение уровня страха и тревоги. В работе экспериментальной группы принимало участие 14 детей, в основном говорящих на русском языке. Однако, для повышения степени контроля за психологическим процессом, работа проводилась при участии переводчика с Дари, который также выполнял функции ассистента. В процессе проведения программы мы использовали метод включенного наблюдения.

После завершения программы проводилась повторная диагностика означенными методиками, с целью выявления динамики параметров страха и тревоги, в результате проведения коррекционной программы.

Участники и структура
исследования

Выводы о снижении тревоги в результате коррекционной программы

Баланс идентификации-обособления

Механизмы психологической «самопомощи»

Проведенный анализ полученных результатов проведения коррекционной программы, на основе сравнения показателей контрольной и экспериментальной групп позволяет сделать следующие выводы.

В экспериментальной группе у участников значимо понижился ряд показателей, связанных с тревогой, тогда как в контрольной группе у участников существенно достоверно с течением времени не снижается уровень тревоги.

Наличие статистически значимых различий ($p \leq 0,05$) позволяет нам полагать, что подобные личностные изменения непосредственно связаны с проводимой нами коррекционной программой.

По результатам включенного наблюдения было установлено, что у детей нарушен баланс *идентификации-обособления* при взаимодействии с пугающими образами. Они демонстрировали ригидные паттерны подобного взаимодействия, обусловленные психотравмирующей ситуацией. В результате коррекционной программы произошло «размягчение» деструктивных моделей идентификационного поведения: дети научились легко переходить от идентификации с пугающим образом к обособлению, искать оптимальное для них сочетание *идентификации и обособления*.

Также было установлено, что коррекционная программа влияет не только на сам уровень тревоги, но и повышает ее осознанность для ребенка и соответственно «включает» механизмы психологической «самопомощи». Прохождение программы обеспечивает наблюдаемые поведенческие изменения, выражаемые в понижении тревоги. Результаты наблюдения показывают, что дети становятся способными творчески преобразовывать возникающие у них символические образы страха, адекватно соотнося их с окружающей социальной ситуацией. Дети в процессе игры научились самостоятельно видоизменять пугающие образы, модифицировать их исходя из логики собственной фантазии, тем самым «овладевая» собственным страхом. По нашему мнению, это связано со снижением «стереотипизации» в работе знаково-символической функции сознания, что приводит к уменьшению в сознании ребенка ригидных **знаково-символических взаимосвязей**, вызывающих страх и тревогу.

1. Особенности содержания страхов у детей беженцев обусловлены **культурно-историческими традициями**. Анализ психологической литературы позволяет утверждать, что для детей характерен страх мифологических персонажей, который является отражением мифологичности детского сознания. В содержании страхов проявляются культурно-исторические традиции. Это нашло подтверждение в наших исследованиях детей — вынужденных мигрантов.

Экспериментальным путем были выявлены три группы мифологических страхов. Первая группа — страхи мистических существ (чаще всего — драконообразных). Вторая — страхи «фантастических нелюдей», мистических персонажей, наделенных свойствами человека и животного. Третья — страхи животных, представляющих особую разновидность мифологических персонажей, наделенных волшебной силой.

У детей-беженцев из Афганистана чаще, чем у русскоязычных детей, встречаются страхи животных. Это связано со спецификой афганской традиционной культуры, заключающейся в большем приписывании животным мифологических, «хтонических» свойств. В этот возрастной период культура оказывает существенное, значимое влияние на формирование эмоциональной сферы ребенка и способов ее выражения.

2. Возрастной страх смерти основан на представлении о возможности умереть и зависит от особенностей культурных традиций. В отличие от возрастного страха смерти в сознании детей выявлен «страх быть уничтоженным», который отражается в поведении через тревогу, зачастую проявляющуюся в любой деятельности, и, в первую очередь, в спонтанных играх, использующих мотив убийства.
3. В содержательную сферу страхов детей-беженцев и вынужденных переселенцев входят страхи, которые вызваны стрессами, пережитыми в экстремальной **ситуации вынужденной миграции**, зачастую приводящей к возникновению посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Симптомокомплекс ПТСР, вызванный переживаниями событий, выходящих за рамки опыта обыденной жизни (убийства, разрушения, насилие), проявляется у детей-беженцев в «страхе быть уничтоженным». «Страх

быть уничтоженным» лежит в основе различных стратегий поведения у детей, вызванных ПТСР: от навязчивого повтора травматической ситуации, до стойкого избегания всего, что связано с травмой. Он обнаруживается в проективной методике (ДАТ).

Отмечаются различия в проявлении «страха быть уничтоженным» у детей разных исследуемых групп. Так, в поведении детей беженцев из Афганистана крайне редко можно наблюдать проигрывание непосредственно событий травмы, они более склонны использовать ситуации, взятые из масс-медиа (телевизор и пр.), приносящие им схожие ощущения. Российские дети-вынужденные переселенцы, напротив, часто демонстрируют проявления «страха быть уничтоженным» через внешне-запное повторное переживание травмирующих событий (страх бомбежки при звуке самолета).

«Страх быть уничтоженным» отличается от страха смерти, характерного для всех исследуемых детей, тем, что он отражает возможность погибнуть «здесь-и-сейчас» и формирует тревожное отношение к миру.

4. Традиции воспитания в афганской культуре связаны как с авторитарным стилем общения с детьми, так и с религиозными верованиями. В связи с этим значительное место у детей-беженцев из Афганистана занимает страх наказания; также присутствует страх перед Богом. Страх наказания более выражен у мальчиков, чем у девочек, что объясняется различным стилем воспитания детей.
5. Страх перед войной менее выражен у детей-афганцев в силу традиционного культивирования «воинственности» в процессе воспитания. В то же время у российских детей — вынужденных переселенцев страх перед военными действиями выражен значительно.
6. Проведенная и апробированная программа коррекционной психологической помощи детям вынужденных мигрантов показывает, что в работе, направленной на снижение страха и тревоги, целесообразно основываться на **идентификации** с традициями своего этноса, в частности, с мифологическими образами содержания страха.

Терапевтический результат достигается через работу с мифологическими образами. Как показано В.С. Мухиной [20], образы традиционной культуры представляют собой глубинный уровень психики и с успехом

используются в психокоррекции посткатастрофических переживаний. Такие образы страха могут являться замещающими по отношению страхам, связанным с реальными событиями. В работе с мифологическими страхами можно воздействовать на замещаемые страхи, связанные с пережитой экстремальной ситуацией («страх быть уничтоженным»). Коррекция приводит к существенному снижению тревоги у детей-беженцев.

7. Использование механизма **идентификации-обособления** в приемах коррекционной работы позволяет снизить психотравмирующее влияние вынужденной миграции. В результате использования разработанной программы снижается тревожность благодаря овладению детьми приемами идентификации-обособления с объектами страха.

1. *Мухина В.С.* Феноменология развития человека // Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М.; Воронеж, 1999. С. 77–191.

2. *Уотсон Дж.* Психологический уход за ребенком. М., 1929.

3. *Фрейд А., Фрейд З.* Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. СПб., 1997; *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. М., 1991.

4. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

5. *Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993.

6. *Шайгерова Л.* Кризис идентичности в ситуации вынужденной миграции // Психологи о мигрантах и миграции в России. М., 2001. №2. С. 75–85.

7. *Соколова Е.Т.* Модель психологической помощи вынужденным мигрантам в контексте проблематики насилия и расстройств самоидентичности // Психологи о мигрантах и миграции в России. М., 2001. № 2. С. 16–32.

8. *Мухина В.С.* Психологическая помощь пострадавшим от землетрясения в Армянской ССР // Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М.; Воронеж, 1999. С. 505–523.

9. *Furnham A., Bochner S.* Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. N.Y., 1986.

10. *Голушко Т.В.* Особенности страхов детей, связанных с проживанием в регионах, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998.

11. *Захаров А.И.* Как помочь нашим детям избавиться от страха. СПб., 1995.

12. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.; Воронеж, 2000.

13. *Никитин В.Н.* Энциклопедия тела. М., 2000.

14. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

15. *Пропт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.

16. *Прихожан А.М.* Психокоррекционная работа с тревожными детьми // Активные методы в работе школьного психолога. Киров, 1991. С. 26—44.

17. *Гриншпун И.Б. Неболова Т.В.* Детские невротические страхи, их диагностика и коррекция: Программа к спецкурсу. М., 1993.

18. *Лазарус А.* Мысленным взором: образы как средство психотерапии. М., 2000.

19. *Мухина В.С.* Психологическая помощь пострадавшим от землетрясения в Армянской ССР // Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М.; Воронеж, 1999. С. 505—523.

20. Там же.

